

**МОЗАИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В РОССИИ И
УКРАИНЕ**
**НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И
ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ОПЫТ РОССИИ И УКРАИНЫ В ПЕРИОД
ТРАНСФОРМАЦИИ / ПОД РЕД. Л. ДРОБИЖЕВОЙ И
Е. ГОЛОВАХИ. КИЕВ: ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ НАН
УКРАИНЫ; ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, 2007. — 280 с.**

Представляемый читателю итог коллективной работы двух академических Институтов социологии — российского и украинского — помимо научного имеет и гражданское значение. Книга видится не просто, «одним из первых исследований...», как сказано в аннотации, Социологи, наконец, нарушили безмолвие непартийного научного дискурса, неловкое на фоне господствующей партийности в других организованных дискурсах¹ — политическом официозе, воинственных оправданиях «хозяйствующих субъектов», лубочных картинок, выдаваемых либо за искусство, либо за просветительство. Человеческое измерение этой акции «научной дипломатии» отмечено посвящением соавтору — Наталии Паниной. При этом ни гражданское, ни человеческое измерения не отменяют измерения научного.

Диалектичность освещению обозначенной заглавием топики придает терминологическая пара идентичность–толерантность; в контексте социальной безопасности она отражает отмеченное Л. Дробижевой напряжение между позитивной и гипертрофированной идентичностью (с. 15). Другое концептуальное напряжение задает свойственная постсоветскому пространству двойственность политической идентичности, порождаемая приоритетом формирования государственного самосознания перед гражданским (Л. Дробижева, с. 17–19). Сделанный Е. Арутюновой дискурс-анализ выступлений президента В. Путина в 2000–2006 гг. (с. 20–29) обнаружил неуклонное усиление государственной и ослабление гражданской риторики. На уровне же массового сознания собранные в рамках проекта данные определенных тенденций не выявили (с. 29–39).

Одна из наиболее фундаментальных тематических статей «Национальная толерантность и идентичность в Украине» написана Е. Головахой и Н. Паниной по материалам регулярных национальных опросов, проводимых Институтом социологии НАН Украины с начала 1990-х гг. (с. 43–68)². В качестве инструмента для измерения национальной идентичности и толерантности использовался апробированный

¹ Где партийность, возможно, адекватна взаимоотношениям между «молodyми» государствами — обоюдно «очень значимыми Другими».

² Полную версию статьи см.: Социологический журнал. 2006. № 3/4.

Н. Паниной вариант шкалы социальной дистанции Богардуса. Анализ межгрупповых сравнений позволил авторам выделить факторы дистанцирования жителей Украины от представителей 24 народов, релевантных для украинского контекста.

Для российского читателя интерес представляет статья В. Середы, в которой на основе богатого цитатного материала проводится многополярное сравнение исторического дискурса в официальных речах президентов Украины и России (с. 69–94). В фокус внимания автор берет «важное средство легитимации власти» посредством «создания коллективных идентичностей... способных... соединить существующий политический режим» с коллективной памятью рядовых граждан (с. 69). При этом успешно сконструированные образы прошлого должны «оказаться приемлемыми для максимально широких слоев общества» (с. 70). В историческом дискурсе Л. Кучмы автор обнаруживает стремление консолидировать нацию за счет «отказа от любых идеологических экстрем» и «замалчивания конфликтных... событий» (с. 71–72), попыток мягко встроить деидеологизированное советское наследие в «новую официальную модель исторического прошлого» (с. 72), «осторожно обойти любые упоминания о внутренних конфликтах», имевшихся в истории украинского общества (с. 74). В. Ющенко, напротив, активно упоминал дискуссионные исторические события и тем самым «артикулировал места разрывов национального нарратива» (с. 72), обращался «преимущественно к драматическим событиям», выстраивал национальный нарратив «вокруг исторических событий, значимых для разных национальных групп, проживающих на территории Украины», и тем самым конструировал «такую модель исторического прошлого, которая соответствует построению инклюзивной политической нации, базирующейся на принципах мультикультурализма и взаимной толерантности» (с. 75). Если в выступлениях Л. Кучмы «украинское общество представлялось как гомогенное и в прошлом, и в настоящем, и в будущем», то в речах В. Ющенко «узловой точкой» служит лозунг о «единстве в разнообразии» (с. 80). Л. Кучма «использует стратегию национальной амнезии», то есть вытеснения всего крайнего и противоречивого, тогда как В. Ющенко озвучивает идею либерального пути к единству через осознание различий (с. 83). Объединяет российские и украинские официальные исторические дискурсы, как полагает автор, «слияние советского нарратива с национальным и включение... отдельных аспектов либерализма, а также подчеркивание собственной извечной европейскости». Различия обнаруживаются в конфигурации сходных элементов: украинское руководство сильнее озабочено созданием «новой политической нации», российское — отводит ключевую роль «военно-патриотической презентации прошлого» (с. 94).

Е. Иващенко, исследуя иерархии мы-идентификаций по данным мониторинга «Украинское общество-2006», приходит к выводу, что «структура идентификационных предпочтений населения Украины приблизительно одинакова среди всех возрастных групп» (с. 102); в частности, у всех государственно-гражданским и национально-этническим идентификациям уступают стратификационно-статусные. Судя по этим данным, для украинского общества (как и для польского) в меньшей степени, чем для российского, характерен возрастной «разлом» (см. [1]).

Понятийная палитра смыслов, вкладываемых в выражение «быть россиянином, быть гражданином России», представлена Е. Арутюновой в статье «Идентичность и толерантность в студенческой среде московских гуманитарных вузов» (с. 104–114). «На фоне общероссийских выборов, — заключает автор, — студенты гуманитарных вузов выглядят более открытыми, толерантными, миролюбивыми» (с. 114). Тут можно вспомнить, что результаты опросов москвичей часто выделяются на фоне общероссийских выборов.

Л. Дробижева на материале серии массовых и экспертных опросов, проведенных в 1993–2004 гг. в регионах РФ, прослеживает «подвижность и предпочтения в выборе национально-гражданской и этнической идентичности» (с. 117). Анализ содержания этих идентичностей (с. 117–121) выявил «парадокс»: «при росте модернизационных установок у населения из-за политического контекста этническое самосознание и чувства не тускнеют» (с. 121). Тем не менее, резкая актуализация этнической идентификации, вызванная травматическими трансформациями 1990-х, отстывает, и в России — стране, «которую никто не хотел» (с. 123) — в начале XXI века «национально-гражданская идентичность приобретает более четкое очертание» (с. 122). Автор указывает, что, по данным опросов, «государственный ультрапатриотизм чаще был присущ популистским политикам, чем населению» (с. 126). Отмечая идентификационные напряжения в многонациональной стране, Л. Дробижева заключает, что в России, где «русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также их интересам и ценностям» (с. 128). По-видимому, применимость этого рецепта для иных обществ зависит от выбранной процедуры определения «доминирующего большинства».

А. Стегний, сравнивая украинскую и русскую подвыборки опроса, репрезентирующего население Украины по поло-возрастным,

образовательным и территориально-поселенческим признакам, исследует национальную и групповую идентичности. Структура национальной идентичности выявлялась по оценкам «весомости каждого из девяти предложенных признаков “настоящего украинца” по четырехбалльной порядковой шкале» (с. 129). При интерпретации данных автор основное внимание уделяет сходствам между подвыборками. Примечательно выделение двух факторов в свойстве «идентификация идеального украинца»: «...первый фактор больше связан с объективно приписываемыми респондентами признаками (гражданство, национальность, ценз оседлости, знание языка), тогда как второй — с эмоционально-субъективными признаками... (чувство ответственности за страну, уважение ее законов и строя, ощущение себя украинцем)» (с. 134–135). Если разделять подход конструктивизма, родственного мидовскому интеракционизму (в качестве теоретических ориентиров упомянуты П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Мид и Г. Тэджфел (с. 128), отнесение второй группы признаков к субъективным, на наш взгляд, требует уточнения. Для сбора данных о порядках групповой идентичности использовался многократно апробированный инструмент³ с ключевым вопросом: «О каких из перечисленных групп людей Вы могли бы сказать “это — мы”?»». И среди украинцев, и среди русских Украины гражданская идентичность преобладает над этнической, что позволяет автору увидеть «в целом оптимистическую перспективу межнациональных отношений» (с. 141); однако можно заметить (табл. на с. 136), что идентификационные предпочтения русских демонстрируют тенденцию к меньшей актуальности и ориентированности на будущее. Остается сожалеть о том, что у авторов «не было возможности провести строго сопоставимое сравнительное исследование с единой выборкой и одним опросным инструментарием» (с. 12).

В параграфе И. Кузнецова об особенностях идентификации (авто- и гетеростигматизации) этнически отличающихся иммигрантов в России читатель найдет тонкий анализ простых по структуре и элегантно скомпонованных количественных и качественных данных (с. 143–158). Простота дизайна позволит читателю самому проверить и уточнить полученные автором не вполне тривиальные выводы. В частности о том, что именно не желающие интегрироваться в принимающее общество мигранты вносят вклад в формирование негативных и примитивных стереотипов у местного населения. Эти стигматизирующие стереотипы усваиваются, прежде всего, другими, ориентированными на интеграцию мигрантами и оказывают на

³ Он разработан авторами книги, а вышедшей под редакцией В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой «Россияне и поляки на рубеже веков» (СПб.: РХГИ, 2006).

них «выталкивающее» воздействие, затрудняя желаемую интеграцию. Продолжение некоторых сюжетов читатель найдет в статье (с. 159–166) Ю. Арутюняна, Л. Дробижевой и И. Кузнецова, которые обосновывают необходимость организовать более тесное институциональное взаимодействие с прибывающими мигрантами: «Прежние волны миграции были в основном волнами переселения конкретных людей для учебы или работы по вызовам учреждений. Современные потоки включили целые группы трудовых мигрантов разных культур, приезжающих в наиболее экономически благополучные территории». Сохранить это благополучие способна «более дружественная» культура принимающей среды (с. 165–166).

В статьях, написанных независимо друг от друга О. Щединой (с. 167–185) и Е. Иващенко (с. 186–200) по материалам интервью, обнаруживаются сходные амбивалентности в профессиональной идентичности, соответственно, российских и украинских милиционеров. В концептуализации Е. Иващенко, милиционеры представляют «властную вертикаль», но ощущают свою отчужденность от ее «верхов» в силу своего низкого социального и экономического статуса; они ближе к населению, однако отделены от него обоюдной «зоной отчуждения». С этой двойственностью автор связывает два парадокса: «силы и бессилия» и «консолидированности и разобщенности».

А. Магун и В. Магун по опросным данным проекта ISSP-2003, реализованного в 33 странах, представили ряд аспектов идентификации россиян со своей страной в контексте международных сравнений (с. 202–240). Сравнение показало, что россияне очень сдержанно демонстрировали свою связь со всеми предложенными в опросе объектами идентификации: с населенным пунктом, страной, регионом, континентом. По сравнению с населением других стран, россияне «в минимальной степени... ощущают единство со своей страной»; по этому показателю они оказались ближе всех к арабскому населению Израиля (с. 209). Разумеется, по одному этому показателю нельзя оценивать степень отчужденности населения от страны. Данные опроса показывают, что от арабов Израиля россияне отличаются, как минимум, по двум аспектам. Во-первых, при необходимости выбирать между этнической идентификацией и гражданской, явное предпочтение первой готовы отдать меньшинство — не более 20% россиян (с. 218–219). Во-вторых, россияне продемонстрировали больший уровень гордости за свою страну (с. 221), и эта гордость имеет свою специфику: жители России больше гордятся достижениями «элиты или героев» и гораздо меньше — «рутинными аспектами жизни страны, которые характеризуют повседневную жизнь людей» (с. 227, 228, 233). Вообще, сюжет об интерпретации данных о «национальной гордости» — изюминка этого параграфа.

Статья о толерантности различных конфессиональных групп в украинском обществе, написанная Л. Рязановой (с. 241–251), начинается с социально-политической и концептуальной трактовки ключевого слова (толерантности). В эмпирической части автор представила данные об открытости и закрытости конфессиональных групп по отношению к разным этносам и объяснила повышенную интолерантность ощущением уязвимости украинской идентичности в окружении «могучих соседей» (с. 251).

Завершает сборник статья С. Рыжовой (с. 252–277), в которой с позиций светскости и мультикультурализма дается подробный и квалифицированный разбор полемики вокруг идеи преподавания «Основ православной культуры» в средней школе.

Отметим, что в сборнике, по-видимому, не до конца раскрыт эвристический потенциал терминологической инновации «национально-гражданская идентичность», которая, как следует из предисловия, была порождена стремлением не различать политическую и этнокультурную трактовки понятия «нация», объять «не только политические, но и историко-культурные константы» (с. 12). Небесспорным представляется то, что при изложении некоторых сюжетов центральная роль отведена расчетам средних баллов ранговой шкалы как методу свертывания данных.

О.А. Оберемко,
кандидат социологических наук,
Институт социологии РАН